

ЕЛЕНА РОНИНА

МЕСТНОЕ
ВРЕМЯ—

Любовь

ХОРОШО ТАМ,

*где мы
есть*

Елена Ронина
Местное время – любовь
Серия «Близкие люди.
Романы Елены Рониной»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69551575
Местное время – любовь: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-191253-6

Аннотация

Эти люди такие разные и в то же время такие похожие.

Все хотят любви и счастья, но у каждого свой путь. Главное, проходя по нему, не потерять себя. Жизни героев этих историй предстают перед нами в разных декорациях: Франция, Германия, Россия, Швейцария, Италия и даже Африка... Однако среди них нет неузнаваемых персонажей и совсем чужих судеб. Ведь это путешествие, в которое отправляется абсолютно каждый человек на Земле – путешествие в поисках любви.

Содержание

Часть 1	8
Увидеть Париж и умереть!	8
По ленинским местам, или Неделя имени меня	20
А в самолете знакомиться прилично?	42
«Лоэнгрин»	55
Браво, Лилиана! или Советы начинающим горнолыжницам	68
Зарифмованные встречи	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Елена Ронина

Местное время – любовь

© Ронина Е., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Близкие люди

РОМАНЫ

ЕЛЕНА РОНИНОЙ

ЕЛЕНА РОНИНА

МЕСТНОЕ
ВРЕМЯ—
Любовь

Часть 1

Зеркало мира

Увидеть Париж и умереть!

«Увидеть Париж и умереть» – я всегда именно так думала про Париж, ждала свидания с ним много лет, готовилась.

В Париж нас пригласили съездить наши друзья – немцы Рената и Густав Бахер. Ну, друзья не друзья – вопрос спорный, но знаем мы друг друга давно. Сейчас, по прошествии большого количества лет, поняли, что, вероятно, все-таки не друзья. Да и кого сейчас в нашей сложной жизни можно назвать друзьями? Наверное, только хорошо живущих друг с другом мужа и жену. Тогда мы этого не знали, в Париж хотелось, сами бы поехать не решились. И страшно, и французского языка не знаем, и дорого. Бахеры нас уговорили, они в Париже бывали неоднократно, хоть по-французски только две фразы знают. Густав – такой «человек мира», как он сам себя называет, умеет быть органичным в любом обществе, в любой компании. Правда, не все и не всегда чувствуют себя с ним комфортно, но он всегда собой доволен.

Итак, в какой-то момент мы приняли решение поехать во Францию. Все срослось, сроки уточнены. Едем в Париж.

Ура! Неужели? Не могу поверить своему счастью!

Решили выезжать на машине из Германии, из Кельна. В Кельне живут родители Густава – Карл и Гизелла. У них собственный дом в старинном стиле – небольшой, но очень уютный. Мы с мужем часто бывали в этом доме, и я его очень полюбила. Каждый раз на пороге нас встречали эти-кие благообразные старички: она всегда в капроновых чулках и в бусах, он всегда в шейном платке. Все остальное – это ладно, но вот эти чулки и шейный платок всегда меня умиляли. Еще умиляло, что каждый раз, когда мы сидели за стол, доставался новый сервиз. Мы же привыкли, как у нас в России: один сервиз – парадный, для гостей (лучше, если это будет «Мадонна»), а на каждый день что-нибудь попроще, что не жалко разбить. Ну и билось, конечно! Поэтому на каждый день всегда был некомплект.

После посещения Кельна я дала себе слово, что есть буду всегда из парадных сервизов, на праздник ничего приберегать не стану и на столе каждый день будут стоять одинаковые тарелки!

Приезжая в гости, мы всегда привозили подарки: икру, конфеты, водку. Интересно, что все наши нехитрые презенты клали на какой-нибудь стол в углу и стояли они там вплоть до нашего отъезда, иногда несколько дней. Да... Брезгуют, значит, и на стол не поставили, не открыли, не попробовали. Даже не убрали! Так и стоят наши бедные пода-

рочки, никому не нужные. Потом, когда то же самое происходило и в других домах, я все поняла. Это у них такие правила хорошего тона. Немецкие друзья демонстрируют нам, как они любят наши подарки. А есть их они будут втихаря, когда мы уедем, за закрытыми дверями.

Ехали по автобану через Бельгию. Бензин, естественно, пополам, мы уже привыкли к этому: дружба дружбой, а бензин посчитаем! Сейчас уже удивляюсь, почему с нас не спросили за амортизацию автомобиля? Периодически за руль сажали моего мужа. Сережа, нервно улыбаясь, отказать не мог. Я слегка побаивалась, мы не умеем ездить двести километров в час! Для нас все диковато, весь этот их порядок. Но в грязь лицом ударить нельзя, еще будут в этой поездке такие возможности! После часа езды мой муж был весь мокрый, долго не мог прийти в себя, но испытание на прочность прошел на пять с плюсом!

Въехав в Париж, машину сразу поставили на стоянку. Оказалось, передвигаться будем пешком, деньги нужно экономить, бензин очень дорог (даже половина бензина! Ну что за люди?!). Но мне уже было на все наплевать, я в Париже! В него я влюбилась сразу, с самой первой секунды. Поняла, что это абсолютно мой город. Его воздух, его люди, язык – все-все. Просто сидела на скамейке и наслаждалась счастьем, лелеяла чудную мысль: я и Париж. Вся остальная

команда рысью бегала по городу и искала для нас гостиницу. Задача была не из простых: гостиница должна была быть «две звезды» и обязательно со скидкой!

Видимо, удобства будут на этаже или вообще за углом, но меня это уже не пугало. Я готова была спать прямо вот на этой лавке. Периодически приходилось пересаживаться в другое место, поближе к очередному отелю. Мои спутники при этом наказывали мне не считать ворон, а сторожить вещи.

Наконец-то наши «две звезды» с дополнительной скидкой в тридцать (!) процентов были найдены. Наш друг Густав потом напоминал об этом все четыре дня, проведенные в Париже. Мы каждый раз должны были восхищаться, как будто услышали об этом впервые, и при этом забывать, что номер состоит из одной кровати. Ни шкафа, ни телевизора, ни тумбочки. Для остальной совершенно ненужной мебели просто не было места. Да и зачем? Приходили мы поздно, чуть живые, и, едва открыв дверь, плюхались спать, практически не раздеваясь (все равно некуда вещи складывать), и оказывались... на полу. Кровать была настолько продавлена, что походила на гамак! Поэтому мы всю ночь друг на друга немножко наезжали. Хорошо, что уставали сильно, спали без задних ног и ничего не чувствовали.

Уставать было с чего: за день мы наматывали пешком километров по пятнадцать. Было принято решение на такси не ездить, на метро – только в случае острой необходимости.

Хорошо, что с погодой нам повезло – начало лета. Не жарко и не холодно, так что гулять по Парижу – одно удовольствие. А нашим немцам удовольствие вдвойне, ведь и деньги сэкономились.

Ничто не могло разочаровать меня в Париже. С каждым днем город нравился все больше. Все было интересно, все живое, за каждым человеком чувствовалась судьба.

Каждый вечер за ужином мы составляли план на следующий день. Четыре человека, четыре дня. Каждый из нас предлагал что-то интересное именно ему, сообща составлялся маршрут. Поэтому новый день был непохож на предыдущий. Было очень здорово. Кстати, полноценно в ресторане мы ели раз в день. Почему – для меня до сих пор остается загадкой. Наши спутники – люди далеко не бедные и много чего себе могут позволить. Но... Мой муж предположил:

– Может, они думают, что у нас денег нет совсем и боятся поставить в дурацкое положение?

Уж не знаю, что они там думали, но на еде мы сэкономили. В ресторане брали только «меню», по-нашему – комплексный обед. Дешево и сердито. Но мало. Сережа вечно был слегка голодным. Но друзья всю дорогу так восхищались изысканностью кухни, что как-то неловко было заказать что-то еще. Много есть вредно. Завтракали мы в нашем чудном отеле. Ну что можно было получить в таком месте? В Париже вообще завтрак легкий: кофе, круассан и немного джема. Мы собирались в нижнем холле, всем наливалось по од-

ной чашечке кофе, добавка не полагалась. Затем хозяйка гостиницы, дама не очень приветливая, кидала в нас по одному круассану. Джем не давала вообще. Думаю, она никак не могла простить нам тридцати процентов скидки. Немцам это настроение не портило, мне же было как-то не по себе. Все время завтракала с легким чувством вины, спеша съесть свой бублик и обратиться по намеченному вечером маршруту.

Полдня мы наслаждались солнечным Парижем. Потом просто покупали багет, сыр, бутылку вина и прямо где стояли, там и садились или ложились в зависимости от того, где нас заставлял голод – на лужайке, на ступеньках, – и все купленное съедали. Не могу сказать, что это было плохо. Нет, вкусно, романтично, здорово. А наши спутники опять радовались вдвойне. Ведь сколько денег сэкономили! Ну пошли бы сейчас в ресторан, и что? Ободрали бы нас как липку. Вкусней бы не было, это точно. И вообще, с какой стати кормить этих французикув? Не дождутся. Нас с Сережей все устраивало. Иногда, правда, во мне восставал дух противоречия:

– Хочу пирожное!

– Елена, в ларьках только сыр!

– Устала я от вашего сыра. Хочу в кондитерскую. Хочу кофе по-венски с каким-нибудь абсолютно французским десертом.

Мне никто отказать не мог, но никто со мной за компанию не ел. Немцы говорили, что не хотят. Сереже было очень

неудобно. Так и не поняла, за меня или за них, но он тоже пирожные не ел. Наплевать. Мне было вкусно, комфортно. Чудо как хорошо!

– Сереж, ты чего все время в сумке роешься?

– Подожди...

– Что-нибудь случилось?

– Лена!!!

Поняла, нужно заткнуться, пока не обругали. Зная своего мужа, я догадывалась, что что-то не так, что-то случилось. Но спрашивать было бесполезно, он уже разнервничался настолько, что даже разговаривать не мог. Мы возвращались на метро, день клонился к закату. Все здорово, впечатлений море. Наконец-то я поднялась на Эйфелеву башню. Не скажу, что это самое яркое впечатление от Парижа. Но символ все-таки. Посетить нужно. Галку поставили. Но часть пути на башню пришлось проделать пешком, устали как собаки. Зато после этого восхождения нам даже разрешили в какой-то жуткой кафешке посидеть, а заодно и съесть пиццу. Правда, одну на всех. Да и ладно, впереди еще «комплексный обед» на ужин. Ноги гудели, как хорошо, что сейчас прямиком в номер, в наш гамак.

Господи, да что с моим мужем-то происходит?! Посерел прямо весь и вещи из своей сумки начал на скамейку вытряхивать.

– Лена, я, по-моему, кошелек потерял...

Тут уж и я начала сереть. Деньги у нас все хранились у Сережи. Причем совсем все. За гостиницу мы еще не платили, а после Парижа я собиралась ехать в Ганновер на медицинскую выставку, и на эту поездку деньги в том же кошельке. Действительно, увидеть Париж и умереть... теперь уже от голода.

Тут уже и немцы поняли, что у нас что-то стряслось.

– Сережа потерял кошелек.

– Какая неприятность. А денег много было?

– Много.

Ну как людям объяснить, что денег не просто много, а все? И больше нет вообще ничего. Заикаясь, начинаю рассказывать.

– Подождите, ну вы же в сейф что-то клали?

– Нет...

– У Елены, в ее кошельке?

– Все было у Сергея.

Чувствую, не понимают. Да мы и сами не понимаем, почему так произошло. Начинаем лихорадочно соображать, что делать дальше, как выходить из этой ситуации. А ведь не зря наши спутники такие экономные и нас к этому приучали. Глядишь, и не умрем с голоду: что-то у них займем, на поездку в Ганновер денег попрошу у врача, с которым в Германии встречаюсь. Еще есть время ему позвонить.

– Подождите, давайте все-таки разберемся. Сергей, когда ты в последний раз видел этот кошелек? В кафе? Точно пом-

нишь? Ну да, ты же расплачивался... А в метро как входил? Ай, ну да, в метро же я билеты покупал. – Густав пытается проанализировать ситуацию.

– Знаете, давайте-ка вернемся в кафе. А вдруг ты кошелек просто уронил, и он спокойно лежит под стулом и ждет нашего возвращения?

– С пятью тысячами-то? Вряд ли. Мы в фантастические истории не верим.

– Все, поехали. Нет, так нет. А вдруг!

Едем обратно, настроения никакого. Каждый в душе ищет виноватого. Немцы удивляются нашей халатности. Я – своему мужу. Он находится в прострации. Минут через сорок добираемся до места. Входим в кафе. За нашим столиком сидят уже совершенно другие люди и с очевидным удовольствием уминают пиццу. Сережа лезет под стол, безусловно, вызывая удивление у народа. Ничего! Как и предполагали!

– Все-таки надо на всякий случай спросить у бармена. А вдруг кто-нибудь нашел и отдал? – неуверенно предполагает Рената. Святая простота! Нашел и отдал! Даже предположить такое и то умудриться надо, не то что вслух сказать. Тем не менее Сережа, как зомби, на негнущихся ногах идет к бармену. Мы издалека видим, что они о чем-то говорят. И вдруг! В руках бармена я вижу наш кошелек. Нет, этого не может быть! Наверное, он пустой. Сережа отходит в сторону и проверяет, все забрали из кошелька или нет. Деньги все на месте! До последнего пфеннига... Сережа тут же воз-

вращается назад и, достав из кошелька какие-то деньги, отдает их в благодарность бармену.

Потом мы пытались выяснить, сколько отдал, – Сережа вспомнить уже не мог. Да это уже неважно. Нам вернули наши деньги. Почему это произошло, осталось загадкой. Французы очень честные люди? Это вряд ли. Мы им понравились или нас сочли настолько бедными, что пожалели? Или питают симпатию к русским? (Не к немцам – это точно, во Франции немцев, мягко говоря, недолюбливают.) Не знаю, не знаю... Мне все-таки кажется, что кошелек нашли в чьем-то присутствии и очень много людей это видели. Думаю, это самая вероятная причина, хотя версии высказываются и по сей день. Но главное – это результат. Мы с деньгами, мы в Париже, праздник продолжается!

Очумевшие от счастья, мы наконец-то доехали до нашей гостиницы и упали в наш гамак. Нам нужен был отдых, чтобы осознать случившееся, и время, чтобы придумать, как правильно прятать деньги дальше.

Вечером мы уже идем не в дешевый ресторан, а в хороший. И первым делом заказываем шампанское! Сегодня не экономим, сегодня мы гуляем! Будет и фуа-гра, и ассорти французских сыров, и замковое вино.

Париж еще раз доказал нам свою непохожесть на все другие города. Доказал нам, что это город, где случаются чудеса, – большие и маленькие. Нужно просто приехать сюда с близким по духу человеком, и Париж повернется на-

встречу, одарит теплыми воспоминаниями на всю жизнь. Уж мы-то с мужем эту поездку теперь никогда не забудем. На это есть еще одна причина...

Сереза открывает шампанское, пробка с силой вылетает из бутылки и падает прямиком в бокал.

– Так, чей бокал? Рената, твой?

– Нет, это Сергея.

– Уверена? А ты знаешь, есть такая примета, если пробка попадает в бокал, это к прибыли. А уж если пробка от шампанского, то это прибавление – к ребенку!

– Сергей, значит, у тебя будет ребенок. Бокал не мой, это точно твой!

– Интересно, кто это родит моему мужу ребенка? Уж точно не я!

Мы все веселимся, у нас прекрасное настроение, и даже эта болезненная тема для обеих пар не заставляет нас грустить. У Бахеров детей совсем нет, а у нас с Сергеем нет общих. И, несмотря на все усилия, пока и не предвидится. Но сегодня не о том. Мы пьем вино, вкусно едим, потом полночи гуляем по Монмартру. Уже под утро с Ренатой у какой-то африканки заплетаем себе по косичке. Мы счастливы. И ведь очень редко бывает, когда счастье ощущаешь прямо в этот самый момент. Обычно оно приходит с воспоминанием о чем-то. А мы счастливы прямо сейчас.

Навстречу нам идет большая компания. Вдруг один парень, наш ровесник, останавливается, подходит к Ренате, бе-

рет ее за руки и начинает что-то быстро говорить по-французски. Потом обнимает, целует в губы, и компания уходит. Мы остаемся стоять с раскрытыми ртами. Что он ей говорил, почему поцеловал? Почему ее, а не, допустим, меня? Опять загадка, опять маленькое чудо, от которого Рената потом долго не могла отойти, все ходила и глупо улыбалась.

А для меня в этом городе произошло самое невероятное, самое долгожданное чудо в моей жизни. Почему для меня? Для нас! Для нашей семьи! Мы привезли из Парижа нашего долгожданного Павлика. Действительно, тот бокал оказался Сережиным, и мы еще раз убедились, что в Париже сбываются все мечты, все надежды. Но обязательно нужно туда ехать с человеком, которого по-настоящему любишь, с которым ты – единое целое. А если уверенности нет, то этот город поможет разобраться и в себе, и в партнере, и в ваших отношениях. Я видела людей в самолете, летящих из Парижа, которым нечего было сказать друг другу, которые, кроме раздражения, не вызывали друг у друга никаких чувств. Нас же Париж соединил навеки, еще раз доказав, что, может, мы и разные, но нам хорошо вместе. В музее Д'Орсе мы восхищались одними картинами, восторг вызывали одни и те же улицы и бульвары этого дивного города.

Увидеть Париж и умереть. Да! Но только от счастья!

По ленинским местам, или Неделя имени меня

Сверху это очень напоминает бархатную бумагу. Как будто кто-то взял ее и измял. Она лежит в причудливых изгибах и изломах, с выпуклостями и вмятинами. И цвет, главное, цвет! Он такой глубокий малахитовый и очень насыщенный. Никогда такого не видела. Но вот уже вдали показалось Женевское озеро, и я понимаю, что никакая это не бархатная бумага, это Швейцарские Альпы, а я лечу в самолете, смотрю в окно и через двадцать минут буду в Женеве. Поверить в это пока не могу, поэтому все-таки горы остаются для меня очень красиво и эстетично скомканной бархатной бумагой, а Женевское озеро – маленькой лужей. Неужели это все-таки я, и я опять в самолете и лечу за границу?

Да, нельзя детей рожать в преклонном возрасте. Все-таки это выбивает. Шутка ли, родить почти в тридцать шесть лет! Да еще через четырнадцать лет после первого ребенка! А ведь казалось, ну что тут такого?! Тридцать шесть – не возраст, дети – это счастье, двое детей – тот минимум, который должен быть у любой женщины. И я наконец могу подарить ребенка своему мужу! Да еще мальчика, продолжателя фамилии.

О том, что это тяжело, я забыла, о том, что мне не двадцать, я не задумывалась, того, что не все дети идеальные,

как мой старший сын, я не понимала. Единственное, о чем я размышляла во время беременности, – это какая у моего малыша будет коляска. Требование к коляске определилось одно: она должна быть легкой и просто складываться (главное предназначение коляски – входить в самолет). И еще, конечно, необходим рюкзачок, там будет сидеть мой ребенок. Я считала себя такой прогрессивной бизнес-леди, что дома задерживаться не собиралась: родится ребенок, посажу его в рюкзачок – и сразу в самолет. Ребенок помешать не может! Он меня только украсит! Такая молодая многодетная мама, все успевает: и детей рожать, и бизнесом заниматься, и дети все время с ней. Ну просто идеальная картинка.

Я же ее не придумала! Я все это видела у моих иностранных подружек. У них дети все время с ними: в самолетах, в ресторанах, на отдыхе! Никто никому не мешает, все счастливы. Почему у меня должно быть по-другому? А ни почему. И не будет. У меня будет точно так. Я буду тоже прогрессивная, спокойная и эмансипированная, буду сама собой гордиться и всем докажу, что старые времена прошли. Теперь и у нас все по-другому. Детей не пеленаем, пеленки не стираем, фотографироваться начинаем с роддома. Никаких предрассудков. Все!

Как говорил один мой старинный друг, ошиблась я жестоко!

Во-первых, во время беременности я жутко комплексовала из-за своего, прямо скажем, далеко не юного возраста.

та. И как ни старалась себя украсить всевозможными заморскими нарядами, все равно с гордостью свой живот носить не могла. Мне казалось, все вокруг меня думают: «Ну куда лезет эта старая дура? В ее возрасте нужно на печке сидеть и деньги на старость копить!»

Чувствовала я себя не очень хорошо, мой муж машину водил как-то рывками (естественно, я думала, что нарочно), поэтому ездила на работу на метро. Так мы и жили: вдвоем выходили из дома, а потом расходились каждый в свою сторону.

На работу приезжали практически одновременно, вместе открывали дверь и шли в один кабинет. Я к тому времени – уже обиженная на весь белый свет, мой муж – в недоумении: чем это я так расстроена, может, меня кто обидел?

Обидела меня беременность, все беременные очень обидчивые, это у них такое стойкое физическое состояние. Ну а на кого обижаться? Конечно, на собственного мужа! Вот почему, спрашивается, он не интересуется каждые пять минут, как я себя чувствую? Нет, лучше каждую минуту... Или: вот почему опять не заметил, что на мне новая кофта? Неужели трудно каждое утро говорить: «Какая же ты у меня красавица!»

Не можешь про кофты запомнить – ладно, у меня их действительно много, ошибиться легко. Ну тогда хоть просто, не уточняя: «А кофточка тебе эта идет, просто супер! И живот не очень большой, тебя даже украшает. И вообще, за тот

час, что без тебя в машине ехал, так соскучился, так за тебя волновался! Как хорошо, что мы опять вместе».

Вот что, сложно сказать эти три предложения? Можно их даже наизусть выучить и каждый раз повторять только их. Я даже не замечу, что они одни и те же! Все равно приятно, и на душе сразу станет легко и спокойно.

Нет, идет к нашему кабинету и сосредоточенно о чем-то думает. И, похоже, не обо мне. Ну почему не обо мне? И вообще о чем тогда? Наверное, о работе. Да ты подумай одну минуту обо мне, скажи об этом и думай потом опять про работу! А я сразу стану само спокойствие и истериками донимать не буду! Нет, никак и ничего не получается. Мои фантазии постоянно разбиваются об унылую реальность.

– Лена, у тебя плохое настроение?

Боже, ну с чего же оно хорошим-то будет?! Можно, конечно, все мои мысли сейчас повторить вслух, можно написать все то, что он должен мне говорить каждое утро, и давать ему зачитывать при встрече на работе. Но вряд ли и это поможет, все равно найду на что обидеться. Наверняка зачитывать будет не так душевно, как мне бы хотелось. Грустно. Как там у Лермонтова: «И скучно и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды...» Во-во, невзгода – это у меня, ну как же верно сказал Лермонтов, как будто сам беременным был!

– Лена, нужно позвонить в Германию.

Опять за свое! А слова любви? А забота? Ведь целый час

не виделись!

Может, плюнуть на все и начать жизнь заново? Хотя заново, наверное, будет все-таки сложновато. Беременной-то... Ладно, позвоню в Германию.

Видно, все беременные одинаково депрессивно недоверчивы к своим мужьям, а все мужья беременных совершенно не понимают. Не понимают, что прежней жизни конец. Ребенка еще нет, а все уже по-другому, реагировать надо на все иначе, постоянно говорить жене, как они, то есть мужья, счастливы и как благодарны...

Да, мужьям этого не понять, не тонкие они натуры, не мягкие. Просто даже черствые. Что там в книжках пишут? Они с Марса, мы с Венеры? Жаль, никак нельзя сейчас на Венеру. Ну да ладно, главное – мне бы ребенка родить. А там его в рюкзачок – и вперед, покорять новые горизонты. Будет себя муж и дальше так же безрадостно вести, мы и без мужа обойдемся. Сейчас, конечно, сложно. Чувство незащищенности очень острое. И потом – кого же я буду все время пилить? Муж останется недопиленным? Не выйдет! Пусть и дальше терпит, в конце концов, ребенок не только мой!

Роды были преждевременными, очень тяжелыми. «Скорую» вызывала себе сама, в роддом привезли не в самый лучший, а в самый ближний – задача врачей была довести, успеть, спасти.

Довезли, успели, спасли. С трудом. Обоих.

И все, про рюкзачок я забыла сразу. Тот животный ужас,

который я испытала при мысли, что мой сын мог не родиться, сразу пригвоздил меня к земле. Я перестала соображать наполовину, и из этого состояния меня вытаскивала вся семья месяцев шесть, если не больше.

Муж не отставал и даже, можно сказать, был на передовой. Вставал со мной ночью, переодевал ребенка, подогревал смеси, просто сидел рядом, пока я кормила Павлика. Для меня это было очень важно. Я думала: ну вот, наконец в нем проснулся отец. Да и пора, ведь уже за тридцать. Как раз тот возраст, когда мужчина начинает понимать, что такое семья, что такое дети.

Как бы не так! Отец-то в нем проснулся, но соображать, видимо со сна, как положено еще не начал. Ведь каждый по-разному просыпается. Вот я просыпаюсь и сразу включаю все мысли, сразу сосредоточиваюсь на сто процентов – «что», «когда», «зачем». Наш старший сын, просыпаясь, всегда ненавидит весь белый свет. И так он всех ненавидит примерно до обеда. Сергей же, проснувшись, тормозит, впадает в прострацию. То есть вроде уже ходит, готовит завтрак, ест, но разговаривать с ним бесполезно. Не добьешься ничего. Похоже, и отец в нем просыпался немного заторможенно. То есть как бы этот отец уже не спит, но еще до конца не понял, что у него родился сын, а главное – еще не успел его полюбить так, чтобы до боли в сердце, чтобы ни вздохнуть, ни выдохнуть. Сразу проснулись только гордость – как же, наследник родился! – и сознание того, что это очень даже

хорошо – выполнить основной родительский долг перед ребенком, то есть его родить.

Главным в нашей семье всегда была работа. Кто не работает, тот не ест.

Если мне хочется кушать, я должна идти работать. Так решил мой муж. Что значит «ребенок маленький»? Полгода – уже не маленький. А вполне даже самостоятельный. Конечно, работать пока не способен, но уж точно может перейти на попечение няни.

Бороться с не до конца проснувшимся сознанием мужа было бесполезно. Если мой муж что-то придумал, так просто из него это не выбьешь. Нет, любую другую мысль все-таки, наверное, выбить получилось бы, но только не про работу. Это святое.

Сгорая от желания облегчить мне переход от непривычной роли кормящей матери к привычной роли бизнес-леди, до родов непрестанно разъезжавшей по всей Европе, Сергей предложил путешествие на неделю. Он, мол, останется с Павликом, я съезжу отдохну, а по приезде мы дружно и с хорошим настроением примемся совместно зарабатывать на пропитание.

– Швейцария, – не задумываясь, ответила я.

– Леночка, ты выбрала очень дорогую страну. Может, подумаешь еще? Почему бы тебе не съездить в Чехию?

– Потому что, если ты не согласишься на Швейцарию, я выберу Японию, – зловеще прошипела я.

Муж понял всю серьезность моего настроения и тут же согласился.

О Швейцарии я мечтала давно, хотелось побывать везде: и в Женеве, и в Цюрихе, и в Лозанне, и в Давосе. Вот с таким вот маршрутом «по ленинским местам» я пришла в турагентство.

Там я принялась сбивчиво рассказывать, чего хочу: и про Швейцарию, и про Ленина, но при этом постоянно скатываюсь на Павлика. Менеджер смотрела на меня с жалостью.

– Давайте мы вас отправим на два дня в Женеву, а потом вы поедете в санаторий на швейцарские озера в дивной красоты город Ивердон. Мне кажется, вам нужно просто отдохнуть, без всяких экскурсий. Спокойненько поплавать в термальных источниках, посмотреть на горы, полежать на процедурах.

Да, видно, впечатление я производила такое себе, раз меня совершенно незнакомой тетке сразу захотелось куда-нибудь сложить.

– А как же путешествия? А Ленин?

– А Ленин как раз очень любил Женеву и часто там жил. В Ивердоне, правда, не был, но главное, что вы там побываете. Через два дня в Ивердоне вы полностью отключитесь, забудете про Ленина, – продолжала зомбировать менеджер.

Я еще немного посопротивлялась. Нам ведь как хочется? Заплатив один раз, причем не очень много, получить сразу все и по полной программе. Менеджер была непреклонна:

– Да вы не отдохнете совсем! По Швейцарии переезды достаточно длительные, до вокзалов добираться не очень удобно. Сами подумайте: только чемоданы собирать-разбирать сколько раз придется? Ну послушайте вы моего совета. А в Цюрих еще съездите. Например, на горнолыжный курорт, но потом. Отправим вас и с мужем, и с детьми, а сейчас отдохните немного, поживите эту недельку для себя. Еще благодарить меня будете.

Соображала я еще, конечно, туговато, но поняла, что тетка действительно хочет мне добра. Могла бы отправить и туда, куда я хотела, не вникая. А вот ей не все равно, пытается сделать для меня что-то хорошее. Ладно, в Женеву так в Женеву. Попробуем забыть про Павлика, роды и обиды и поедем. Пусть мои ленинские места пока что ограничатся Женевой!

Выхожу из женевского аэропорта, еще до конца не понимая, где я, что я и неужели это я.

Так же – не понимая, я полгода в кроссовках и джинсах, зимой и летом одним цветом, возила коляску по измайловскому лесу. И тоже разные мысли приходили. Как это я здесь оказалась? Почему не в деловом костюме? Где мои туфли на высоком каблуке и дорогие украшения? И когда начнутся очередные деловые переговоры? Переговоров не было. Вся жизнь свелась к кормлениям, прогулкам, вечным недосыпам и хронической усталости.

– Ты же умная женщина! – удивлялся мой умный папа. –

Зачем тебе все это было надо? Ведь все вроде было хорошо – и на работе, и дома, и Антону уже четырнадцать. Можно начинать жить для себя. И на тебе – все с самого начала. Пеленки. Распашонки. Бессонные ночи.

– Пап, зато у меня двое детей. Нас же с Наташей у тебя двое. Смотри, какие мы дружные. И потом, вспомни себя – я же все про тебя знаю: ну, как ты на мое появление на свет реагировал? Тоже отмахивался как мог, а потом понял, что я твое самое большое счастье в жизни. Или не так?

– Это верно. Но ведь ты помереть из-за этого ребенка могла!

– Так не померла же! Все, папа. Ты меня знаешь. Я справлюсь, и все будет хорошо. Еще не будешь своей жизни без Павлика представлять!

Выхожу из здания аэровокзала. Как всегда за границей – ровные ряды такси и никакого народа, никакой очереди. Из первой машины выскакивает водитель, хватает мой чемодан и распакивает передо мной заднюю дверцу. Именно заднюю, а не переднюю. И тут наконец до меня доходит. А ведь я в Женеве. Я В ЖЕНЕВЕ! ОДНА! БЕЗ КОЛЯСКИ!

И я опять в форме: красивая, хорошо одетая, с макияжем и легким запахом парфюма. Эту неделю я посвящаю себе. Будет «Неделя имени меня»! При чем здесь Ленин? Я буду ходить по магазинам и хорошим ресторанам, гулять, наслаждаться свободой. Еще буду спать. Спать, не вскакивая по ночам! И ходить по улицам просто так, не спеша. И мне

не придется одной рукой толкать перед собой коляску, а другой – греметь погремушкой. Это ж какая-то совсем нереальная жизнь! Или такое бывает? Ну вот же, вот, это уже есть, это уже со мной!

В гостинице у меня есть всего полчаса, чтобы распаковать чемоданы: внизу ждет русскоговорящий гид.

Миловидная женщина средних лет, которую зовут Тамара, пытается показать мне как можно больше достопримечательностей Женевы, с цифрами и датами. Мне все это удержать в голове трудно. Даже воспринимать трудно. Запомнила только это:

– В Женеве можно пить воду из-под крана и нужно обязательно попробовать жареные каштаны.

Пытаюсь при каждом удобном случае Тамару прервать и поведать о том, что действительно интересно. А что может быть интереснее моего маленького сына? Ну, действительно, сколько можно слушать про замечательных людей и революционные события? К тому же про Ленина Тамара не так часто упоминает. Опять я про этого Ленина... Вроде и в Женеве, и одна, а вылечиться до конца ну никак не могу: то о Павлике думаю, а когда пытаюсь отвлечься, так сразу о Ленине. Это во мне мой папа партийный не дремлет.

Мои комментарии Тамара мягко отменяет и опять пытается втолковать про разные события. Очень настойчивая женщина! Ну и пусть себе говорит! А мне просто приятно идти рядом с ней, дышать женевским воздухом, наслаждаться хо-

рошей погодой и радоваться, радоваться жизни.

Следующий день у меня, по плану туркомпании, свободный. Что ж, рванем по магазинам! Оценим пресловутое швейцарское качество.

В первом же магазине я столкнулась с Тамарой. Неужели опять про забастовки начнет рассказывать?

– Лена, ну надо же! А вас обувь интересует?

– Нет, меня все интересует, просто этот магазин первым попался. Тамар, а что тут покупать-то вообще надо и куда нестись сначала? А то я завтра уже на воды – психику лечить.

– У меня вообще-то сегодня абсолютно свободный день, и я запланировала подарки родственникам купить. Пойдем вместе?

– Конечно!

– С каких магазинов начнем?

– Разумеется, с детских!

Часа через два Тамара заявила:

– Все, хватит, сколько можно набирать детских вещей? Себе хоть что-нибудь купили? Вы сюда зачем приехали? Мне что рассказывали? Отрываемся, все забываем, думаем только про себя! Ну-ка быстро забыли про детей и про мужа, взяли себя в руки и накупили себе всякого барахла! Давайте хоть примерять что-нибудь начнем. И вообще, пойдем в «Тати»!

Последнюю фразу Тамара произнесла заговорщическим шепотом.

– А «Тати» – это что?

– Это такой магазин дешевых вещей. Ходить туда ужас как неприлично. Никто никогда не сознается, что там бывает! А бывают все. Знаешь, – Тамара незаметно переходит на «ты», – сколько в этих швейцарцах понта? Они-де все только в дорогих магазинах да за бешеные деньги покупают. А я то одного, то другого в «Тати» встречаю – стоят, в кучах роются. И что здесь стыдного-то? В этих кучах можно найти совершенно очаровательные вещи и качества отменного. Швейцарцы – люди прагматичные, а там, если постараться, можно очень много чего купить и значительно дешевле. Страна действительно дорогая. Переплачивать неохота. Вот здесь, например, продаются продукты со скидкой. Если у них истек срок годности.

– Тухлые, что ли?

– Почему тухлые-то? – обиделась Тамара. – Это в Союзе, если даже свежее, то уже немножко тухлое, а здесь вообще все по-другому. Никто никого не обманывает. Просто если мясо привезли вечером, а продавать начали утром, могут скидку и до тридцати процентов сделать. Представляешь, как здорово! Или зелень два часа на улице полежала... Мне какая разница, я все равно ее мыть буду. А тоже дешевле получается.

Да, вот у людей проблема: бегать от лавки к лавке целый день и скидки замеряй. Тут тридцать процентов, тут двадцать. Прямо спорт такой.

– Ну что ж, Тамар, давай в «Тати». Начнем примерять. Обещаю!

В «Тати» я и сама заразилась всеобщим ажиотажем. Рылась, примеряла и в итоге очень даже неплохо приделалась. А главное, мне удалось отключиться, я поняла, что целых полчаса не думала про Павлика. А это при моем воспаленном мозге – уже результат!

– Лена, ты куда пошла?! – с ужасом схватила меня за руку Тамара.

– А что, мы вроде все купили?

– Пакет!!! С этим пакетом нельзя ходить. Все же поймут, что мы в «Тати» были!

Ну надо же, какие мы нежные. А еще вруны. Швейцарцы, называется. Показушники! Сами в «Тати» одеваются, а изображают из себя богатую нацию. Хотя я же с Тамарой общаюсь, она не швейцарка, у нее муж в представительстве «Аэрофлота» работает. А сама она – вся в экскурсиях, музеях, в перерывах – в продуктовых лавках, магазинах, расчете процентов. Жизнь заполнена до предела.

– Ой, Лен, с сыном у меня проблемы. У них тут какая-то новая мода. Подруга должна быть старше молодого человека. Причем не на год, не на два, а на все двадцать!

– Как это?

– Ну мода, я же говорю.

– Тамар, какая мода странная!

– И не говори. У них вообще все тут странное, семь лет

живу и никак не привыкну. Зато чисто, конечно, прямо стерильно.

– Да-да, и воду можно из-под крана. – Пусть думает, что я экскурсию внимательно слушала.

– А так – по Союзу скучаем, конечно.

– Вот и я уже начинаю скучать.

– Ты что?! Ты это брось! Тебе же завтра на курорт. Не выдумывай, выкинь семью из головы и отдохни, расслабься. Ведь обратно вернешься – и все, жизнь закрутит. Опять дети, муж... Будешь потом вспоминать и жалеть, что не отдохнула как следует. А Ивердон – место роскошное, можно даже сказать, элитное. Бассейны, спа-процедуры всякие. Воздух кристально чистый. Гулять будешь, питаться вкусно. Знаешь, какой там хлеб с маслинами? Попробуй обязательно! С твоей фигурой можно. Это мне – сто раз подумаешь сначала. Я уже такие продукты стараюсь не покупать, а то купишь – и весь батон одна и съешь. Кошмар!

– Тамар, а Ленин-то в Ивердоне был?

– Ленин в Ивердоне не был...

Тамара смотрит на меня с жалостью, совсем как та приятная тетка из турфирмы. И действительно, с чего это меня на Ленине-то заклинило? Не буду больше ни у кого о нем спрашивать. Буду мемориальные доски читать, может, сама его следы где-нибудь найду. А то получится, что зря в Швейцарию ездила. (Все-таки с головой еще не все в порядке. Но главное – я себя начала адекватно оценивать – и то хлеб!)

Вечером с удовольствием гуляла по берегу Швейцарского озера. Тамара побежала кормить мужа уцененной едой и спасти сына от престарелых невест. А я смотрела на дома, на людей. На людей было интересней. Ну что дома?! В каждом доме банк и аптека. Ну просто в каждом! А люди интересные, особенно тетки, все сплошь в деловых костюмах. Юбки до колен, независимо от возраста, из-под юбки ножки такие сухонькие, кривенькие, туфли на устойчивом каблучке. На лице тонна качественного швейцарского макияжа, золота на тетках тоже тонна. И духи. Вот пройдет мимо такая, и просто можно задохнуться. Это как же так надо облиться, чтоб от тебя несло даже на улице? Наверное, опять же качественный швейцарский продукт. У меня вот так никогда не получается. Утром надушишься, а к обеду уже никто не унюхает. Понятное дело: не в «швейцариях» покупалось!

Тамара была права. Ивердон оказался дивным местом. Нетронутая природа: горы, озеро, зелень. Невероятной красоты частные домики. Земли совсем мало, около каждого домика всего метра по четыре, и каждый такой кусочек – ну прямо японский сад. Да, куда там нашим грядкам капустным. Наверное, нам просто не понять, зачем высаживать что-то ненужное. Ведь камни эти с цветочками ни съесть нельзя, ни продать. А может, это потому, что у них очень земли мало. В лучшем случае по два метра на дом. Как понять, что сначала сажать: картошку или морковку? От чего пользы больше? Швейцарцы не смогли сами себе ответить

на этот вопрос и высадили красоту. И ведь действительно лучше. Ничего, я думаю, у нас тоже так будет. Только не на двух метрах, а на гектаре. С нашими-то размахами! Будем разбивать дворцовые сады.

Хлеб и правда оказался фантастический. Съесть можно и два батона в один присест. Хотя за батонами пришлось специально бегать в ближайший гастроном. В элитном ресторане при отеле хлеб не предлагали вообще. Там в основном эксклюзивная французская кухня. Все красиво, официанты в ливреях, по двое стоят, склонившись над тобой, – ждут, когда ты по достоинству начнешь оценивать их умопомрачительную еду и восхищаться ею. Восхищаться надо громко, практически хлопать в ладоши. Только тогда удовлетворенные официанты отвалят от стола. Чем восхищаться, не сразу, правда, и поймешь. Как правило, на огромной тарелке посередине лежит что-нибудь совсем крошечное, но красиво украшенное.

Хорошо хоть гастроном быстро отыскала. Натрескаешься перед ужином хлеба с маслинами, и на сытый желудок уже и повосхищаться изысками можно.

А в первый день лицо у меня, конечно, было кислое при виде красивой, но полупустой тарелки. Я сюда есть пришла или любоваться?! Пообедать днем после приезда из Женевы не успела. Ну, думаю, ничего, ужином наемся в их шикарном ресторане. А там все при свечах, неторопливо. После заказа слюну глотала минут сорок, ждала, пока повар спе-

циально для меня свое чудо сотворит. Поэтому, когда наконец важно пришли два официанта, поставили передо мной огромную тарелку, накрытую крышкой, а под крышкой оказалась всего одна креветка, красиво украшенная веточкой салата, я испугалась, что прямо крышкой в этих официантов запусу. Их спасло только мое дикое недоумение и, возможно, голодное бессилие. К тому же я еще надеялась, что это всего лишь гарнир или комплимент от шеф-повара, а когда поняла, в чем дело, официанты уже испарились.

В последующие дни я предварительно наедалась хлебом. И ходить в ресторан стало веселее. На сытый желудок можно и по сторонам поглядывать, народ изучать.

Народ был только по сторонам. Мое одиночество строго охраняли. Мадам приехала одна, значит, хочет покоя и уединения. Тоже как-то не по-нашему. То есть для меня это было удачей, я как раз за этим и приехала. Но была бы на моем месте другая мадам, она бы явно расстроилась. Думаю, у нее имелись бы совсем другие виды. Программа максимум – приехав одной, уехать вдвоем; программа минимум – хотя бы не в одиночку провести эту неделю.

Санаторий мне попался вообще очень пристойный. Все ходят парами, под ручку, причем с любовью глядя друг на друга. Как будто люди не двадцать лет живут вместе, а только встретились и страстно влюбились. Неужели такое возможно? Или и в этом швейцарцы – показушники? Вот у нас мужа и жену на отдыхе сразу можно отличить

от любовников. Если друг к другу задом сидят, словом не перекинутся и все время книжки читают, значит, муж и жена. А если воркуют непрерывно – значит, любовники.

Здесь, по рассказам Тамары, отдыхать принято только семейными парами. Может, они дома не видятся? Почему так пристально смотрят друг на друга? И с такой заинтересованностью? И на других теток мужики почему не заглядываются? А у нас почему мужики так быстро забывают собственных жен и смотрят по сторонам? Может, мы что-нибудь неправильно делаем? Или все-таки дело в национальных традициях?

По рассказам той же Тамары, дело скорее в том, что, во-первых, семьями здесь обзаводятся поздно и люди сто раз подумают, прежде чем сделают этот шаг. И потом развестись практически невозможно. Жене после раздела имущества остается так много, что развестись с ней означает остаться фактически без штанов. Так что легче на нее влюбленно смотреть и ездить с ней в отпуск, чем без штанов-то!

Хотя... а может, люди действительно друг друга любят или ценят, или уважают? Я вот лично в это верю!

И вот со своей верой я уже третий день ни с кем не разговариваю. Разговариваю только по вечерам. Удалось найти общий язык с тапером из вечернего бара. Тапером оказался молодой венгр-пианист Марек. Я единственная, кто, слушая его музыку, смотрела на него (остальные же все время смотрят друг на друга). Поэтому уже к концу первого вечера

Марек поинтересовался, может, мадам хочет послушать что-нибудь особенное?

– С удовольствием. А, может, вы по-немецки говорите?

– Говорю. Почти все венгры говорят по-немецки.

– Ура! Тогда французский шансон.

Я хлопала Мареку, помогала расставлять вечерами ноты.

И так я ему понравилась, что ради меня он пообещал завтра продемонстрировать новый смокинг, который купил за бешеные деньги и которым очень гордился.

На следующий день смокинг был продемонстрирован.

Марек принес его на вешалке в целлофановом мешке.

– А почему не надел-то?

– Берегу.

Понятно. Ну что тут скажешь?

Как-то вечером Марек принес целую папку русских нот.

Тут были и романсы, и песни: и русские, и цыганские.

– Понимаешь, я их никогда не слушал. Помоги. И по ритму, и по стилю ничего не понимаю.

– Да запросто! – ну, думаю, повезло. Кто ж когда меня еще спеть-то попросит, да еще и слушать меня при этом будет?!

И вот мы полночи с Марексом пели «Отвори потихоньку калитку» и «Подмосковные вечера». Это был последний вечер в Ивердоне и вообще в Швейцарии. Было немножко грустно. И мой Марек загрустил.

– Вот ты уедешь, кто меня слушать будет?

– А ты для себя играй.

– Для себя неинтересно...

– Тогда играй «Калитку» и думай обо мне!

Я уже от всего устала, хотелось домой. Практически пришла в себя, уже могла адекватно соображать, расставить в своей жизни приоритеты, понять, что для меня важнее и где в моей жизни находятся дети, муж, работа.

Пора домой. Наверное, неделя была все-таки не совсем «имени меня», а эдаким выходом из послеродовой депрессии. Вот следующий отпуск, наверное, уже может быть как раз «имени меня». А пока состоялся в основном этого самого «меня» поиск. И, по-моему, я его наконец нашла! Теперь четко знаю: «я» снова есть. И все у меня в жизни хорошо и правильно.

По приезде домой я долго благодарила туроператоршу за то, что мой отдых был именно таким. И еще очень хотелось как-нибудь отблагодарить Тамару. Я вообще после поездки как-то подобрела. Может, это ленинские отголоски после Швейцарии сказались? Ленин же очень добрым был, как нас в школе учили. Детишкам елки устраивал, лампочки электрические зажигал. Вот и мне все время хотелось лампочку зажечь. Хотя бы для конкретной Тамары.

Моя умная сестра придумала, что Тамаре надо послать пару книг. Наташа сама сгоняла в книжный магазин, купила свежие тома Донцовой и Марининой, и я послала это со следующими путешественниками в Женеву. Тамара была в восторге, книжками зачитывалось все швейцарское по-

сольство, а мне пошли посылки из Женевы с милыми вещичками для Павлика. Такая наша посылочная дружба длилась года четыре. Павлик рос, и Тамара, никогда не видя его, всегда попадала в размер, а я старалась угадать ее меняющиеся книжные вкусы. С годами эта дружба сошла на нет. Но не забылась. Как и сама ленинская поездка, и «Тати», и ивердонский ресторан. И, наверное, это был единственный случай в моей жизни, когда кто-то восхищался моим пением!

А в самолете знакомиться прилично?

Безусловно, в самолете знакомиться неприлично. Так ведь никто и не знакомится! Еще чего не хватало. Но очень важно, о чем мы говорим, – о полете туда или о полете оттуда. Когда летишь туда, вообще не только знакомиться, разговаривать неохота.

Как правило, всегда летишь безумно уставшей от всей этой московской суеты. Хочется помолчать и... ощутить удовольствие от предвкушения предстоящей поездки. Потому что хоть летишь и по работе, хоть и на переговоры, но все-таки за границу. Причем летишь туда не в первый раз. И знаешь, что тебя встретит хороший человек. И при этом прямо еще в аэропорту будет свежий незагазованный воздух. А если тебя никто не встречает, уж точно чуть ли не у трапа самолета будет ждать такси и останется только спустить чемодан с роликовой дорожки. Через несколько шагов его подхватит таксист и довезет тебя до самой гостиницы. И можно будет выйти из машины, не оглядываясь, зная, что водитель передаст багаж швейцару, а тот отнесет его за два евро прямо в номер.

Поэтому зачем разговаривать с кем-то по дороге туда? Лучше расслабиться и осознать, что это все происходит с тобой, ты это заслужила и ради этого работала долго и тяжело. Едешь ты на самом деле тоже работать. И решать пробле-

мы. Но уже немного в других условиях и в другой атмосфере. И кофе тебе на переговорах будут предлагать другой. И, главное, с этого же кофе, совершенно другого и бодрящего, будет начинаться каждое твое утро в недешевом отеле. И это будет заряжать энергией и уверенностью в себе. И переговоры, безусловно, пройдут успешно.

Нет, я не буду ни с кем знакомиться. Более того, я знаю, что сижу сейчас с таким видом, что никому в голову и не придет знакомиться со мной! У меня на лице написано: это невозможно. Мне это не надо, ни к чему, я абсолютно самодостаточна.

Видимо, лицо может измениться при посадке. И оно действительно меняется, но только когда уже сработал реверс и нас просят оставаться на своих местах до полной остановки самолета и отключения всех двигателей. Видимо, срабатывает инстинкт самосохранения. Хотя я и не боюсь летать на самолетах, все-таки приятно в очередной раз остаться живой. И тут я наконец оглядываюсь по сторонам и улыбаюсь соседу слева. На этом этапе могу даже дать свою визитную карточку в обмен на полученную. Но никогда ею не воспользуюсь. Мне нужно уже собраться с мыслями, улыбнуться и достойно выйти из самолета. Меня будет встречать хороший человек. И я слегка волнуюсь.

Полет обратно – это ну совершенно другое дело. Нет, я все равно ни с кем не знакомлюсь. И никогда ничего не рассказываю про себя. Но я слушаю истории. Те истории, ко-

торые можно услышать в поездах. Когда люди встретились и разбежались, и никогда больше не увидят друг друга. Можно даже сокровенное выболтать. Или, наоборот, совет получить.

Женщина говорила очень внятно и немного громче обычного, что сразу выдавало в ней бывшую учительницу. Строго одетая, в очках, она не вызывала расположение к себе. Почему? Сложно сказать. Она вдруг заговорила. Ни с того ни с сего. Причем начала свой рассказ где-то с середины. Видимо, всю дорогу разговаривала сама с собой, а тут не выдержала, и дождем из нее хлынул на меня не просто рассказ, а целый поток мыслей, непонимания и боли.

– Вы понимаете, она столько лет меня приглашала в гости. Столько упрашивала: «Ну приезжай, ну я прошу. У меня тут тоска. Погибаю, загибаюсь». И что?! Я приехала, и она начала изображать из себя иностранку! Вы не представляете, я была как оплеванная. До сих пор не могу в себя прийти.

– А сколько лет-то этой вашей подруге?

– Нет, нет, ни в коем случае, о дружбе теперь не может быть и речи! Сколько ей лет?.. А она меня старше. Если мне шестьдесят пять, то ей, я думаю, шестьдесят семь. Ну, конечно, мы давно не виделись. Она уехала, мне было тридцать пять. Люди меняются, вы знаете, особенно когда уже немолоды. Но измениться так?! И потом, зачем же меня унижать?! Вы понимаете, сразу при встрече в аэропорту: «Где ты взяла это пальто?! В чем ты будешь ходить? Не мо-

гу же я в этом показать тебя своим друзьям!» У меня вполне приличное пальто, заявляю вам это официально. Да, я простая учительница, но всегда одевалась достойно и со вкусом. И потом, есть же какие-то этические нормы. Даже если ее это пальто действительно разочаровало! При чем здесь наша дружба? Наша встреча? И этот ее тон! «Ты неправильно ешь. Ты громко разговариваешь». Это, безусловно, так. Я действительно громко разговариваю. Но это же привычка, издержки профессии!

Галка тоже бывшая учительница. Сколько лет мы отработали в одной школе, я преподавала русский язык и литературу, а она – математику. И так мы были дружны, я вам передать не могу. Потом немец ей предложение сделал. Так до смешного! Из-за меня даже думала – уезжать или не уезжать, замуж выходить или не выходить. Галка всегда была очень красивой, я-то нет. Поэтому она уверена была, что если не за Людвига, так за кого другого выйдет, а подругу такую не найдет. Очень переживали обе из-за расставания, но, понятное дело, она уехала.

Мы с ней переписывались и все эти годы мечтали встретиться. Я даже деньги специально откладывала. Очень, вы знаете, очень я ждала этой встречи, переживала, представляла, как это все будет. А она с порога: «Пальто на тебе не то!» Я не понимаю, это время нас так меняет или все-таки заграница? Не строю иллюзий, я тоже изменилась. Тем более что семьей так и не обзавелась. Так и работаю в школе.

Правда, уже не словесником. Знаете, начала подводить память. Как только это почувствовала, сразу решила, что не буду смешной, уволюсь. Теперь веду группу продленного дня. Но меня уважают коллеги и дети любят, их же не обманешь. А здесь – ну полное непонимание. И это с человеком, которого я считала самым близким. Все свои мысленные разговоры вела с ней. Как мне теперь жить? Образовалась пустота. Но, может, это и к лучшему... Нельзя жить иллюзиями.

– Ну а этот муж ее, Людвиг? Ему тоже ваше пальто не понравилось?

– Людвиг давно умер. Она вдова. Ой, это вообще отдельный разговор. Главным номером культурной программы было представление меня ее жениху. Правда, как оказалось, он про это не знал. Ну про то, что женихом является. Это были Галкины собственные домыслы. И вот перед ним-то она особо меня унижить пыталась: «Что ты так громко сахар в чашке мешаешь? Почему новую политику не поддерживаешь?» А у меня есть свои взгляды на политику. И я их менять не собираюсь. Про сахар, что ж, наверное, действительно громко. Я и внимания на это никогда не обращала. Только, знаете, Леве, это жениха так зовут, было как будто неловко. И он давай меня защищать: «Ну что ты, Галочка, твоя подруга такая милая». Расспрашивал меня, что там у нас да как. Все ему обо мне было интересно. Он тоже вдовец, из наших, бывших. Не мальчик, конечно, как и мы, но бодрый. И к нам, главное, после исторического знакомства за-

частил. То есть его, в отличие от Галки, не испугало громкое размешивание сахара в чашке. Мне и невдомек. А Галка: «Это ты зачем приехала? Мою жизнь разрушать?» «Да что ты, что ты, – говорю. – Мне ничего не надо! Ты же знаешь, как я живу! И я своей жизнью довольна». А она после этого прямо озверела. Вы знаете, я прямо лишний раз и поесть-то боялась. Чувствовала, ей куска жалко.

Провожать меня Галка не поехала. Такси вызвала. Сказала мне: «Если что не так, не обессудь. Но больше не приезжай, разные мы с тобой». А в аэропорту смотрю – Лева стоит. «А я, – говорит, – вас проводить. Хотел адрес ваш взять. Вы не против, я бы вам написал?» И подарок мне протягивает – пряники немецкие и книжку. Приятно было, что и говорить. Галка-то ничего на прощание не подарила. Хотя я, естественно, с подарками к ней приехала. Теперь понимаю, что ни к чему ей мои подарки. А я старалась от души. Хотела ей приятное сделать, вместе молодость повспоминать. Ну вот опять я про нее...

О чем это я? Ах да, Лева. Спросил, не против ли я, если он мне напишет. «Отчего же, – говорю, – напишите». Потом Лева сказал: «Вы на Галю зла не держите. Человек она тяжелый и потому очень одинокий. Все окружение разогнала. А тут ведь и так выбор небольшой. С немцами не общаемся, они нас в свой круг толком не принимают. Только бывшие русские и остаются. Хочешь не хочешь, нравится не нравится, а словом-то с кем-нибудь иногда перемолвиться надо.

Как жалко, что вы так далеко. Мне кажется, мы сразу с вами друг друга поняли бы. Ну почему не вы тогда за Людвигу замуж вышли, а Галя?» А я ему в ответ: «И хорошо, что Галя, – мне было немного неловко от создавшейся ситуации, – а то стала бы такой, как она. Галка ведь раньше совсем другой была. А сейчас одна желчь». Возникло неловкое молчание. Я уж не знала, как и уйти. Вроде все сказано. «А вы действительно мне напишите, я обязательно отвечу», – добавила под конец.

Вот такая поездка в гости к старинной подруге! Так что хоть и разочарование ужасное, но и вот такое, можно сказать, романтическое знакомство на старости лет! Но Галка-то, Галка...

Есть такие женщины, про которых хочется сказать – славная. Не то чтобы красивая, лет сорока, полноватая, одета совершенно по-немецки: удобные брюки, рубашка, сверху пуловер. Тем не менее сразу понятно, что наша, русская. Она сидела у окна, внимательно следила за взлетом, периодически оглядывалась на меня и улыбалась. Видно было, что ей немного не по себе. Может быть, редко летает, а может, нервничала из-за предстоящей поездки. Она начала говорить практически сразу. Достала из-под ног большую черную сумку, нашла в ней бумажные платочки, высморкалась, тяжело вздохнула и начала свой рассказ:

– Маму в больницу положили. Нужна срочно операция,

а я ей деньги перевести на счет не могу. Там такая дыра глухая! Пришлось все бросить и самой полететь. Ну это-то даже хорошо. Все равно бы, конечно, полетела. И перед операцией побуду, и после. Так что все нормально. Лишь бы ничего плохого. Да, на все воля божья. А знаете, как я в Германии оказалась? По объявлению! У нас городок маленький, я ж с Иванова, ой, одни бабы! Когда время пришло, решила для себя ребенка родить, а то по сторонам смотрю, ну перспективы никакой. Так и жила. Я, мама да Колька. Нормально жили, как все. Не хуже, не лучше. А тут объявление в газете попало. Гражданин Германии, без вредных привычек, столяр, хочет создать семью с русской женщиной. Если с ребенком, то даже лучше. Я взяла да и письмо написала. Ну так, больше для смеха. А он возьми да ответь.

– А язык? Вы что, немецкий язык знаете?

– Да вы что? Откуда? Нет, конечно. Я по-русски писала. Сначала это было через газету. А потом уже напрямую. Ему там кто-то переводил. Много же немцев из России. В общем, сели мы с мамой, подумали и решили: а что, собственно, я теряю? Что у нас здесь такого есть, за что стоит держаться? И потом, я же всегда вернуться могу. Сначала одна поехала. Он мне приглашение выслал. Мандраж был, конечно. В самолете сто раз подумала: «Куда меня, дуру, несет?»

Мужичок оказался такой аккуратный, непротивный. Ну, думаю, уже хлеб! Не Аллен Делон, конечно. Но здесь-то меня Аллен Делон когда замуж звал? Или хотя бы в любовницы?

Что кочевряться-то? Дом у него свой, небольшой, правда, но все уютно, чисто очень. Женщина к нему раз в неделю приходила убираться и гладить. Стирал он все сам. И вообще мужик хозяйственный такой, это по дому сразу видно было: все на своих местах. И видно, что непьющий. А для нашей стороны, если непьющий – уже счастье, а если еще и на работу ходит, то это рай!

– А как же вы общались-то?

– Ой, смех да и только. Сначала он женщину пригласил русскую. Она вечерок с нами посидела, попереводила. Да показала мне, что и как в доме. Там же техника сплошная. Я не то что не умела пользоваться, я не знала, что такое в принципе бывает! Даже не предполагала! И не скажу, что уж совсем отсталой-то себя считала. Нет. А тут оробела. Надежда, ну женщина эта, вечером говорит: «Все, девка, ты уж как-нибудь теперь сама давай. Чай, не маленькая. Вон ребенка как-то родила. Я уж домой пойду. Теперь сами разбирайтесь». А и ничего. Жестами, жестами. Я сразу опять за уборку да за готовку. Говорить-то невозможно. А он на подмогу. И как-то так у нас ловко получалось. Потом на участке его цветы пересаживали. За неделю я ему и все постельное белье в порядок привела, и шторы поменяла. В последний вечер опять Надежду пригласили, чтобы выяснить, и как это мы друг другу? Главное, оба ни в чем не уверены. Я для себя поняла, что согласна. В такой красоте-то да при наличии всех этих машин и пылесосов я и здесь

уберусь, и к Надежде чистоту наводит ходить буду. А ему я как? Не представляла. Он такой как будто смурной немно-го. А может, я ему не нравлюсь совсем? Никак не поймешь! Короче, сели мы втроем за стол. Друг на друга смотрим. На-дежда первая заговорила:

– Ну чего молчите-то? Людмил, ты как, пойдешь за него?

– Я не против, пойду. – Подумала, что нет смысла из се-бя кого-то корчить. Если сейчас и опозорюсь, так никто ж об этом не узнает. Уж будь что будет.

– А ты, Зигмунд? Как тебе наша Людмила?

И тут вдруг наш Зигмунд как заговорил! Без остановки. Видно, молчать устал. Я-то, когда его полы драила, все пес-ни пела, чтоб с ума не сойти. А он все молчком и молчком. Вот все у него и выплеснулось. Слушаю и не пойму, не то ругает, не то хвалит. Берет или нет? Ужас, прямо как приго-вора суда ждала. С трудом дотерпела, пока Надежда перево-дить начала. Она мне вроде кивает, а он ей для перевода да-же слова вставить не дает. Во, мужик какой разговорчивый оказался!

– Ну, Людмил, с тебя пол-литра! Говорит, о такой бабе всю жизнь мечтал. Будет тебя любить и уважать и ребеночка твоего никогда не обидит!

– Он же так долго говорил, Надя? Еще-то что?

– А я понимаю, что ли? Видала, как частил. Но основная мысль – берет. А там уже видно будет. Сама-то как, ничего хоть он?

– Да я пока не так уж хорошо его узнала. Но жить с ним точно можно. Приспособлюсь!

Перевезла мальчишку своего. И вот уже четыре года вместе живем. Нормально. Думаю, кое-какие женщины мне еще и позавидовать могут! А то, что я языка поначалу не знала, может, наш союз даже и спасло. Бывало, прибежит Зигмунд в дом, встанет передо мной и что-то там на своем кричит, кричит. А я ж ничего не понимаю. Потом он успокаивался и уходил. А так, если бы понимала, кто знает, что он там говорил? Может, как-то меня очень обидно обзывал. Сейчас я уже курсы закончила, немного говорю. Да и Колька мой по-немецки шпарит, если надо, все мне переводит. И с Зигмундом у них отношения хорошие. У него детей никогда не было, и он, конечно, ко всяким шалостям шумным непривычный. Поэтому мы особо его стараемся не раздражать. Колька, бывает, расшалится, а я его сразу раз и на улицу. «Не нервируй, – говорю, – дядю Зигмунда. Или, может, опять в нашу деревню захотел? Забыл, кто тебе железную дорогу купил?» Это когда я Кольку-то привезла, он ему такой подарок сделал. Может, и не балует, все-таки не родной отец, но справедливый. У меня, как у матери, на него обиды за сына никакой нет.

– А с соседями какие отношения?

– Хорошие. Такие люди приветливые, все улыбаются. Я сначала думала, знаешь, что так, для порядка, а на самом деле мы их раздражаем. А когда Колька в первый класс по-

шел, они вдруг все пришли его поздравить и каждый подарок вручил. Прямо до слез! Я и подумать не могла, что кто-то из них знает, что у нас первоклассник. Вот они, знаешь, очень внимательные. Колька у нас на улице самый маленький оказался. Постоянно с какими-то подарочками прибегает. То тетя Марта пирог испекла, то тетя Густава яички покрасила... Нет, я не жалею, что уехала. Конечно, скучаю, конечно, охота поговорить со своими. И привыкать нужно было, и приспособливаться. Но что у меня было-то? Жалеть-то о чем? И маме теперь помогать могу как следует. Главное, чтоб сейчас с ней ничего плохого не случилось. Она тоже благодаря Зигмунду только жить по-человечески начала.

Мне неинтересно с кем-то знакомиться в самолете. Это надо и про себя же говорить. А я в самолете люблю слушать.

Такие рассказы мне мозги промывают. Понимаешь, как у всех все бывает по-разному. Начинаешь больше ценить то, что есть. И быть благодарной за то, что жизнь предлагает. Жизнь и конкретные люди. И именно в самолете получаешь ответы на все свои вопросы.

Где-то я читала, что лучший совет – это исповедь. И вот, слушая рассказы совершенно разных людей, я примеряю на себя их ситуации. Думаю про свою жизнь, про себя, как поступить в том или другом случае. И вдруг ответ приходит сам собою. Мне удастся найти правильное решение.

Самолет дает на это время. Все переварить, обдумать.

Знакомиться мне некогда, и не хочется отвлекаться от своих мыслей. Это того не стоит. Кому-то такое, может, нравится, но я этого делать не буду.

«Лоэнгрин»

Время бежит вперед: меняется жизнь, меняемся мы. Меняются наши возможности, наши взгляды. И теперь я могу блеснуть фразой: «Во время поездки в Вену мы были в Венской опере!» Или нет, лучше так: «Когда мы планировали поездку в Вену, мы, естественно, заказали билеты и в Оперу». Лучше, но все равно что-то не то...

Вот:

– Десятого сентября в Венской опере дают «Лоэнгрину». Думаю, нужно слетать. Дорогой, ты сможешь освободить себе вечер?

Да... Когда-нибудь, наверное, я действительно смогу себе и это позволить. Так и хочется представить себя героиней фильма «Красотка», которую сажают в самолет и везут незнамо куда, незнамо зачем и в безумно дорогих украшениях прямо из ломбарда. Но мне-то это зачем? Все и так в моих руках. Я могу поехать туда, куда захочу, и украшения достать свои собственные, из тумбочки.

Так что начинаем планировать просто поездку в Вену. Оперу посетим заодно – не каждый же день в Вене оказываешься, и не все же по магазинам носиться. Хочется культуры!

Посетить Венскую оперу, я думаю, мечтает каждый образованный человек. Когда мы прилетим в Вену, будут давать

Вагнера. Ну, Вагнера так Вагнера. Кроме того, что он был любимым композитором Гитлера, ничего про него не слышала. Заодно и узнаем.

Вагнер... «Лоэнгрин»... Звучит очень красиво, в любом разговоре вставить не стыдно. Билеты стоят астрономических сумм. С нами летят наши друзья, и мы с подружкой, как всегда, не посвящаем мужей в нудные денежные подробности. Берем эти неприятные хлопоты на себя. И душещипательный вопрос, почем слушать «Лоэнгрин» – по пятьсот евро или по двести пятьдесят, – решаем сами. Решаем в пользу двухсот пятидесяти. Конечно, и по двести пятьдесят-то уже не хочется его слушать, но до поездки время еще есть, глядишь, сумма из головы и выветрится. Главное – не проговориться мужьям. Если они узнают, сколько стоят билеты, будут сами за эти деньги петь и плясать неделю. Думаю, будет сложно убедить наших благоверных, что их пение – это все-таки не совсем «Лоэнгрин».

В Европе цены на билеты давно уже немаленькие. Это мы привыкли: все за копейку, но только по благу – иначе не достать! А у них все можно достать. Любой гражданин может посетить любой спектакль, пожалуйста!

Есть система скидок для различных слоев населения, например, для студентов и пенсионеров. И отдельная цена – если заказываешь билеты заранее или через Интернет.

Не забываем про «Ночь музеев». Раз в месяц все музеи работают бесплатно с восемнадцати ноль-ноль до двух часов

ночи, причем между ними курсируют бесплатные автобусы. Если денег нет и не предвидится, но есть непреодолимое желание приобщиться к культуре, то можно это сделать в ночи. К тому же это очень романтично.

Безусловно, немцы всеми подобными благами пользуются. Средний билет в театр – сто пятьдесят евро. Но рачительный немец обязательно найдет способ купить его со скидкой.

Собираясь в Венскую оперу, я вспоминала свой уже немаленький опыт посещения театров в Германии. Это дело я люблю – бывая в Германии, использую малейшую возможность куда-нибудь сходить, ну хоть в кино!

Как-то немецкий коллега пригласил меня в Берлинскую оперу. Вернее, так: он меня никуда не приглашал, но я все время выражала огромное желание. Потом он вроде как пообещал озаботиться билетами заранее, но «забыл». Видимо, надеялся, что я передумаю в этот раз в театр ходить. А я и не передумала! И по приезде в Берлин интересуюсь:

– Ну что, в театр идем? – и по лицу сразу понимаю, что вроде не идем. Но он так бодро:

– Заранее купить билеты не удалось, купим утром в день спектакля.

Утром приезжаем к кассам. Ажиотажа нет, все задешево уже купили. Билеты есть – хочешь за сто тридцать, хочешь за сто семьдесят еврикков.

После долгого общения с кассиром мой западный партнер возвращается без билетов:

– Фрау Ронина, у нас проблемы...

– Что? У кого-то из труппы приступ аппендицита и спектакль отменили?

– Нет, нет, все здоровы, – пугается мой немец, потому что от природной жадности уже потерял чувство юмора. – Билеты по сто тридцать евро!

Про сто семьдесят он даже не заикается, это я сама через его голову прочитала. «Ну, – думаю, – чего бы мне это ни стоило, а в театр я сегодня пойду!»

– Какая тогда проблема?

– Билеты дорогие. Понимаете, можно было купить со скидкой, но делать это неделей раньше. А сейчас таких билетов нет. – Голос у моего коллеги напряженно-расстроенный. Наверняка просчитывает в голове ситуацию и никак не может себе простить, что мог ведь дешевле купить, а не купил!

– Ну а театр-то красивый?

– Очень!

– И спектакль хороший?

– Спектакль прекрасный!

– Тогда у нас с вами нет никаких проблем. Мы сейчас же покупаем билеты и вечером идем в театр!

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно. Я не сомневаюсь ни минуты, – продолжаю его зомбировать.

«Вот еще, сто тридцать евро ему жалко. Крохобор!»

Из вредности пойду».

В Берлине в то время как раз грянули морозы. Хорошо, я приехала в шубе. Берлинцы же все кутаются в шарфы, ходят в тоненьких курточках и кашляют. Ну, все и везде. И зачем, спрашивается, так мучиться, а не одеться тепло в какую-нибудь меховушку? Наверное, все как один приверженцы Гринписа.

Правда, в оперу все в шубах приперлись. Тут они про свою «зеленость» разом забыли. Ну что ж, я вроде как не белая ворона – в театр тоже пойду в шубе. Шуба у меня шикарная, до пола – муж на рождение ребенка подарил. А муж у меня, если что-то начинает покупать, то сначала, как все мужики, жметяся, но потом входит в раж и покупает все самое дорогое! Так что страну не опозорим, в оперу войдем в шубе.

Ну это я размечталась! Шубу мне мой спутник предлагает оставить в машине. С какого это, думаю, перепугу? На улице холод собачий, место для машины нашли не самое близкое. Перепуг оказался платным гардеробом. И это из-за полутора евро я по морозу бежала бегом до театра!

Ведут себя немцы в театре тоже не так, как мы. Раз уплатили деньги и пришли в театр спектакль смотреть – взгляда от сцены ни на секунду не отведут. Мы ведь как привыкли? Если что понравилось или что-то вспомнилось – сразу обсудить нужно, что-нибудь шепнуть соседу сбоку или просто понимающим взглядом переброситься. У них не так. Все взгляды – на сцену: не пропустим ничего из того, что нам

предлагают за наши деньги.

Недавно была в кино в Берлине. И там та же история. Фильм закончился, пошли титры. Все сидят, внимательно смотрят на экран. Я сначала встала, потом снова села – думаю, может, вторая серия будет. Нет, все просмотрели внимательно титры и пошли восвояси. Я по Германии разъезжаю более десяти лет, пора бы уже привыкнуть и на провокации не поддаваться. Но все равно я долго потом думала, ну зачем им эти титры было читать? Так важно знать, кто монтажер, а кто водитель?

Так что опыт посещения зарубежных театров имеется.

Кстати! Не забыть взять что-нибудь нарядное.

Вот сколько ни крути и как ни ругай любимое кино всех времен и народов, а именно из «Красотки» мы знаем, чем платье для коктейлей отличается от платья вечернего и в чем нужно ходить в оперу. Ну, особо громоздкое в чемодан не влезет, поэтому я останавливаюсь на маленьком черном платье (по «Красотке» – для коктейля) и акцент делаю на украшениях. Здесь опять подарок от моего мужа, очень красивый комплект: в серебре – гранаты с жемчугом. Колье, серьги и кольцо... Комплект действительно сногшибательный, авторская работа. Я его очень люблю. И вот есть повод его надеть, а заодно и мужа порадовать. Туфли черные с настоящими Сваровски, и на всякий случай возьмем красную пашмину. Ну что, я к опере, по-моему, готова! Спрашиваю у мужа:

– Сережа, ты не забыл, у нас в Вене опера. Какой костюм возьмешь?

– Да там купим...

– Ты не забудь, к костюму нужны ботинки, ремень, рубашка и галстук. Тоже там купим?

– Леночка, не переживай, мы же не в деревню едем, там уж, наверное, все есть. Так что, если я из твоего списка что-то забуду, – не проблема.

Ну-ну. Моему мужу бесполезно помогать собирать чемодан. Это в первые годы совместного жительства я таким неблагодарным делом занималась. Заканчивалось все каждый раз одинаково: «Зачем ты мне это положила и то положила, мне ничего такого не нужно!» – и вещи вываливались обратно. Или уже на месте: «Почему ничего не взяла?»

А теперь, что сам собрал, то и собрал. По приезде оказывалось, что ничего не собрал, – шли и спокойно все покупали. Причем мой муж сам уверен и всех убедил, что по магазинам не ходит, ему ничего не покупается, ничего и не надо!

Так что, прилетев в Вену и небрежно бросив чемоданы в гостинице, мы побежали покупать Сереже костюм (а к нему ремень, рубашку, галстук и ботинки). Ничего из списка он не взял. Почему – объяснить не смог.

В магазин идти Сережа страсть как не хотел: «Все только ради Венской оперы, чтобы любимой жене не стыдно было со мной! Мне вообще-то ничего не надо, я человек скромный!»

Костюма после двухчасовых мытарств (заметим, в одном магазине) мы купили два. Видимо, на случай перемены погоды: один костюм был из фланели, а другой – из тонкой шерсти. Рубашка белая, ботинки и ремень – черные. Галстук муж решил не надевать, мол, так будет по-молодежному. Ну что ж, мне нравится! Муж у меня строен и красив. Я в авторских гранатах, он весь от Черутти – мы готовы к Венской опере!

Начало спектакля в восемнадцать ноль-ноль. Немного настораживает. Что-то рановато. В Германии все спектакли начинаются в восемь. Может, здесь хотят за вечер два спектакля прогнать? Похвально! И поужинать успеем.

Театр потрясает воображение своей роскошью. Кругом мрамор, мозаика, роспись. Очень красиво. Выпиваем по бокалу шампанского и покупаем программку. Вот это новость! Спектакль идет четыре с половиной часа! Это что же можно так долго показывать? Но, с другой стороны, Вагнер же... Может, нас сейчас так захватит вихрь музыки, что все действие будет смотреться на одном дыхании и нам даже не захочется идти на перерыв. Кстати, что у них там с антрактами? Целых два. Вот это очень плохо! Потому что в антракте все время бывает непреодолимое желание из театра сбежать. Ну ладно, зачем мы будем об этом думать? Все-таки Вагнер! С чего это нам сбежать-то захочется?

Пока зрители рассаживаются, рассматриваем театр и людей. Все красиво: и ложи, и дамы в бриллиантах, и кавалеры

в бабочках.

Все, мы настроены на серьезную музыку.

Увертюра, занавес!

Что это? Вместо декораций – абсолютно черная сцена. На сцене стоят черные стулья, на стульях сидят люди в черных костюмах, белых рубашках и черных галстуках.

Стоп, а про что, вообще-то, этот «Лоэнгрин»? Начинаю шептаться со своими спутниками. Никто не знает!

Да, неправильно мы подготовились к опере! Надо было не про Красотку смотреть, а про Вагнера читать! Мне как-то всегда казалось, что «Лоэнгрин» – это сказка. Может, перед нами – современное прочтение? Может, это такое режиссерское видение?

Артисты по очереди встают и поют по длинной арии. Понятно, почему у них опера на четыре с лишним часа растянется. Причем встают не по порядку, а хаотично так, из разных рядов. Чтобы нам интереснее, чтобы какая-то интрига была. (Нам интереснее тем не менее не становится.) Потом каждый берет свой стул, и все начинают петь хором, расхаживая со стульями по сцене.

Песнопения ведутся на немецком языке. Но я не понимаю ни слова! Кошмар! Видно, какой-то язык очень древний. Нас в школе тоже не современному языку учили, но уж этот мне совсем непонятен. Все действие сопровождается бегущей строкой. Можно выбрать немецкий язык. Это для тех, кто глухой, что ли? Или глухие в оперу не ходят? Хотя кто

его знает, я уже ничему не удивляюсь. А можно выбрать английский язык. Смотрю, Сережа внимательно читает перевод. Ну вот, в антракте нам все и расскажет.

Стулья по сцене носили часа полтора, потом совершенно неожиданно (мне показалось, как-то на полуслове) закрылся занавес, и все ломанули в буфет. Мы даже сначала в буфет от удивления не пошли, все пытались разобраться, про что мы смотрим.

Да нет, по словам Сережи, вроде сказка. Как он понял, один из персонажей был королем, другой – его братом. Тетка одна толстая, тоже в костюме, оказалась вообще слепой принцессой. Это ей тем не менее не мешало вместе со всеми носить свой стул по сцене. Правда, я сразу заметила, что ходит она как-то немного боком и стулом все время на других людей натывается. Мне ее даже жалко было, что так у нее все неловко. Я же не знала, что она инвалида изображает!

Ну ладно, костюмы, декорации – это, в конце концов, не главное. Главное – музыка и голоса. Голоса хорошие. Теперь музыка. Никак не могу понять, что мне так мешает, что напрягает? Потом понимаю: мы привыкли к совсем другой манере исполнения. Мало того что каждая ария должна иметь мелодию, она еще должна иметь начало и конец. Зрителям, как правило, нравится, и в конце они хлопают, кричат «браво».

Если зрителям не нравится, то хлопают и кричат род-

ственники артистов. Опять же есть возможность немножко встрепенуться и отдохнуть от оперы. А что у Вагнера? Музыка очень сложная, да еще идет нескончаемым потоком. Для аплодисментов нет места – такое ощущение, что не красивую музыку слушаешь, а учебник по алгебре читаешь.

Ну ладно, хряпнули мы в антракте по коньяку для настроения и пошли наслаждаться оперой дальше. Интересно, что они теперь будут по сцене носить?

Второй акт совсем другой.

Здесь есть декорации, все они – ярких кислотных цветов. Артисты затянуты в кожаные брюки, одеты в длинные плащи. В середине акта напряжение в музыке нарастает, артисты поют все громче. И что интересно, на лица они периодически надевают маски экзотических птиц и зверей. Может, перед нами лес, охота? Все-таки с наших мест за двести пятьдесят разобраться не очень просто.

В перерыве мы с удивлением узнаем, что смотрели сцену свадьбы. Короче, к концу второго действия у всех появилось непреодолимое желание покончить с просмотром и пойти ужинать. Надо же обсудить эту дивную вещь! А то, если до конца досидим, сил уже ни на что не хватит и останется бедный Вагнер без нашего мнения. Так нас убеждали мужья. Говорили, что им уже до того понравилось, что просто не хотят испортить впечатления. Неизвестно же, что в последнем акте покажут? Вдруг разочаруемся!

Наша женская половина слабо пыталась намекнуть

на сумму, в которую нам все это обошлось, но мужчины были непоколебимы. Им было уже все равно. Даже с билетами по пятьсот они не остались бы в опере ни на секунду.

Общее мнение по поводу увиденного? Странно, затянуто, непонятно.

Приехав в Москву, я пыталась вытянуть из Интернета все касательно этого странного «Лоэнгринга». Нашла много статей о Вагнере. Вагнер пытался сказать новое слово в опере, создать совсем другую концепцию, новую оперу, где у каждого персонажа будет своя музыкальная тема. Эта тема будет идти через весь спектакль и по ней персонажей можно будет узнавать. (Теперь понятно, почему режиссер всех одел одинаково. Это был такой специальный ребус по Вагнеру. Узнаем мы, кто есть кто, или нет). Кстати, оперы у Вагнера все длинные, обычно они идут более шести часов. Так что нам, можно сказать, повезло. А вообще, по воспоминаниям современников, Вагнер был человеком очень жестоким, это его идеи об уничтожении всех евреев в дальнейшем проповедовал Гитлер. На мой взгляд, плохой человек, конечно, может быть и очень талантливым, но лучше, чтобы он свои идеи в массы не толкал. Действительно, музыка его, давящая на психику и очень тяжелая, может и сознание повернуть не в ту сторону у слабого человека. Это что касается Вагнера. Но про себя я выводы тоже сделала. Считая себя музыкально образованным человеком, я немного ошибалась. Оказалось, мало знать репертуар Большого театра – нужно еще разби-

раться в том, что творится в музыкальном мире. И еще очень многому можно и нужно будет учиться. Дай бог, чтобы наших возможностей на это хватило.

И все-таки, вернувшись в Москву, я теперь нет-нет да и вставляю: «Когда мы в Венской опере слушали “Лоэнгрина”...».

Браво, Лилиана! или Советы начинающим горнолыжницам

Почему-то в этот раз меня все называют Лилианой. Ну прямо как обезьянку из фильма. Того и гляди, опыты ставить начнут. Допустим, понятно: наше русское «Елена» выговорить иностранцу невозможно. Но и «Лена» не выговаривают! Почему? Вроде бы мягкий «ль» привычен для европейца? Нет, невозможно... А мне все равно. Пусть называют меня как хотят. Если бы от этого зависело, свалюсь на сей раз с горы или нет, я бы еще поборолась за свое родное русское имя. А так... Все одно знаю, что свалюсь, все одно трушу непереносимо. И даже нелепое «Лилиана» не может меня рассмешить и хотя бы немного поднять настроение.

– О, Лилиана! – зовет старший тренер.

«Сам ты Лилиана!» – хочется сказать. Но я уже немножко в нирване. Я только и думаю: «Куда я опять приперлась? Ну что же я такая дура? Зачем нужны эти приключения на мою бедную голову?» Тоскливо жду, когда мне назначат тренера. Какого на этот раз? Кто из своры молодых жеребцов (а по-другому и не скажешь) польстится на данное мне экзотическое имя?

– Михаэль, Лилиана приехала в этом году специально к тебе, – широко улыбаясь, говорит старший тренер и ставит галку в бумажке.

Все! Участь моя решена. Буду кататься в этом году с каким-то Михаэлем. А по мне так все едино!

Из толпы выдвигается широкоплечий и белоzubый Михаэль. Он сразу же начинает изображать небывалую радость и изо всех сил старается выговорить мое новое мартышкино имя. Безо всякой надежды пытаюсь объяснить, что я вовсе не «Лилиана».

– А, значит, Юлиана?!

– И не Юлиана.

На самом деле, я просто тяну время. Хотя понимаю, что мои два с половиной часа горных мучений так или иначе начнутся. Хочешь не хочешь – «уплочено». И все равно придется куда-нибудь ехать. Причем прямо сейчас. Уговорить тренера попить кофе можно будет потом, где-нибудь через час. А сейчас начнется спуск.

Тяжело вздыхаю и застегиваю крепления. Смотрю по сторонам. Неужели кому-то это может нравиться? Наверняка прикидываются. Небось, половину, как и меня, каждый год сюда на аркане тащат! Да нет, вроде все веселые. У всех прекрасное настроение. Что ж, значит надо взять себя в руки и тоже широко улыбнуться.

– Халло, Михаэль. Я катаюсь отвратительно, трассы мои голубые. Продолжать хочу в том же духе. Квалификацию катания улучшать не будем. Задача понятна? – бодро спрашиваю.

– Лилиана, зачем торговаться? Поезжай за мной. Который

год катаешься, третий? О'кей!

И Михаэль начинает спуск. «Постойте, постойте... Куда это он? А рассказать мне подробно маршрут? И что это здесь на горе нарисовано, и почему красным цветом-то?! Ясно же было сказано: голубые трассы, го-лу-бы-е! Нет, так дело не пойдет!» А что не пойдет? Тренер уже уехал. И машет мне откуда-то совсем издалека. Тяжело вздохнув и сжав зубы, начинаю спуск, стараясь не смотреть вниз.

А что еще делать, если у меня ну просто очень спортивный муж? И его всю дорогу куда-то несет? Можно, конечно, расслабиться, и пусть его несет куда угодно, но отдельно от меня. А меня будет нести туда, где нравится мне. Что нравится мне? Лежать, любоваться морем, и лучше – с борта огромного круизного лайнера или с берега экзотического острова. Вариант очень даже достойный, но...

Сразу возникает много-много «но». Во-первых, есть младший сын, и он как раз в том самом возрасте, когда отдыхать хочется с родителями. Причем не с мамой (с папой он никогда не пробовал), а именно с родителями. И это очень правильно: и ребенку полезно, и семью скрепляет. Поэтому если папа в горы, то и мы с ним в горы. Кроме того, семилетний мальчик должен чувствовать, что его родители молодые и спортивные, даже если им за сорок.

Еще одно «но» – попробуй-ка мужика в наше время куда отпусти без жены, без детей!!! Подберут – даже не заметит. Еще молодой, но уже далеко не бедный – улов непло-

хой и, по мнению женских журналов, часто попадающийся на удочку. Будем надеяться, что это «но» не про мою семью. Но подстраховаться никогда не мешает.

Личное «но» – кто же на экзотические острова потащит мои неподъемные чемоданы?! И потом, давайте разберемся, как выглядит со стороны женщина, отдыхающая с мужем, женщина, отдыхающая с ребенком, и женщина, отдыхающая одна. Ну просто даже нет никакого сомнения, какой вариант предпочтительнее! Поэтому лучше хоть в горы, но зато всем вместе, чтобы потом так же вместе в круизе вспоминать совместно пережитое в горах.

Первый раз к поездке в горы я подготовилась вообще никак. Купила пуховики, особо не размышляя, подойдут они или нет, жарко в них или холодно. О том, что горы – страшно и опасно, я тоже не задумывалась. Просто поехала, потому что хотелось доставить удовольствие мужу.

Чтобы адаптироваться, мы взяли тренера на всю семью. Одного. То есть на ребенка, который поехал сразу, потому что маленький и ничего не боится, на мужа, который тоже поехал сразу, потому что очень спортивный и боится ударить перед нами в грязь лицом, и на меня.

Я не поехала никуда. Просто впала в шок, когда поняла, как быстро эти лыжи катятся и что остановить их практически невозможно. И что скользящие по склону горнолыжники, которых я тысячу раз видела на экране телевизора, – наверняка компьютерная графика, поскольку живые люди так

лететь не могут. Тем не менее через полчаса я кое-как сползла с трассы для грудничков.

Как муж меня уболтал поехать сразу на отдаленную вершину, до сих пор не пойму! (С тех пор я ему в горах не верю. Предпочитаю полагаться только на собственную интуицию.)

– Лен, там такая гора легкая. Специально для тебя.

Я, конечно, напряглась:

– Для меня любая гора сложная! Даже если без горы, даже если без лыж, даже просто в ботинках!

Но муж усыпил мою бдительность:

– Я же с тобой!

Ну, думаю, действительно. А, была не была! Горы, солнце, Швейцарские Альпы, красота! В конце концов, все вон как-то едут. Надо только сильно захотеть. Да и подъемники же везде! Если что, как-нибудь обратно спущусь.

Поднимаемся наверх, дух, конечно, захватывает: я высоты боюсь. Но все равно люблюсь, все равно счастлива. Думаю, какая же я молодец! Вот взяла так запросто и в сорок лет на лыжи встала. И ничего, съехала же с детской горки с тренером, – и здесь съеду!

Не вышло! Гора оказалась слишком крутая. Да и не в ней, собственно, дело! Просто я испугалась. Начала падать, плакать... И все. Вот сижу я посреди этой горы и реву. И никто не знает, что делать дальше. Муж меня неуверенно уговаривает:

– Леночка, попробуй еще раз. У тебя получится. Посмот-

ри, как я делаю!

– У, изверг! Ты меня сюда нарочно затащил! Смерти моей хочешь! Давай веди меня к подъемнику!

– Леночка, к подъемнику уже невозможно, он высоко, а промежуточных остановок нет.

Это был первый урок, который я получила в горах. Прежде чем забраться на вершину, думай, сможешь ли скатиться. Вернуться на подъемнике нереально!

– Все! Я отсюда никуда не пойду! Делай что хочешь. Езжай вниз, найди тренера, скажи, что здесь твоя жена распластанная лежит. В конце концов, наши оплаченные два часа еще не прошли. Пусть хотя бы что-нибудь посоветует!

Муж уехал. Я осталась кукарекать посередине горы. Время от времени ко мне подлетали бравые удалыцы с вопросом:

– Все о'кей?

И что я должна была им ответить? Когда они от меня только одного ответа и ждали, причем вместе с улыбкой: «О'кей, о'кей, езжайте себе лесом!»

Сажу я и думаю: а дальше-то что? Не смогу я съехать. Это ежу понятно – меня застопорило. И чего сюда притащилась? Нет, сама виновата, только сама. Ведь взрослая тетка. Детей двое, родители престарелые... О душе пора думать, а я в горы поперлась! И как меня тренер-то посреди горы найдет?! Может, пора начинать махать? Только чем? Лыжей, что ли? Беда...

Смотрю – едет мой тренер! Да не один, с сотоварищем.

Мужа среди них не наблюдается.

– Так, снимаем лыжи, палки и ботинки. – Тренер сразу берет ситуацию в свои крепкие мускулистые руки.

– Хорошо! Еще что снимаем? – пытаюсь шутить.

Бравые швейцарские парни юмор мой не воспринимают. Один берет палки и ботинки, другой подставляет спину.

– Залезай!

– Это как?

– Это как я тебе сказал. Сама съехать сможешь?

– Не смогу.

– Тогда лезь мне на спину!

– Но вы же меня уроните!

– А ты крепче держись.

Аттракцион на всю гору! Мне стыдно, моей семье – позорно, всем остальным – весело. Но главное, с горы меня спустили.

Все оставшееся время я с удовольствием каталась исключительно на детских трассах. Вернувшись в Москву, своим знакомым я задавала одни и те же вопросы: «Неужели вам это нравится? И вы не боитесь?! То есть даже удовольствие получаете? А не врете?»

В итоге была собрана бесценная информация, которая в следующей поездке помогла мне адаптироваться к непривычным экстремальным условиям.

Правило первое. Покупаешь красивый прикид. Это очень важно. Без этого просто никуда. На гору заезжаешь с настро-

ением, с подъемника ступаешь королевой. Ну и что, если кататься не умеешь? А все когда-то не умели! Может, ты вообще здесь в первый раз! Но зато на тебе шикарный костюм, он тебе потрясающе идет, ты уверена в себе!

Цвет лучше подбирать яркий, только не красный. Красный – это банально. Смотрится, как детская куртешка. Гора любит бирюзу. Хорош и белый, если с меховой отделкой. Лично мне еще нравятся оранжевый и салатовый. Не забываем спортивную шапочку и кофту «флис» – она надевается под куртку и должна быть в тон, чтобы, когда захочешь растянуться, ансамбль не нарушился. Если все-таки собираешься кататься, лучше обзавестись шлемом, тоже красивым. Конечно, внешний вид он подпортит. Однозначно. Но все-таки гораздо хуже, если пострадает голова.

Извечный вопрос: куртка или комбинезон? В комбинезоне, слов нет, ты эффектнее и стройнее. Но, боже, сколько неудобств! Ведь это одежда на целый день – в ней и есть, и, извините, ходить в туалет.

Итак, на гору мы прибываем в полной красе. Глаз невозможно отвести от такого неземного чуда! И при чем здесь кто и как катается?! Можно для начала просто походить, попить глинтвейнчику. Позагорать. И так далее. Главное – хорошее настроение у нас уже есть!

Условие второе. Оно же самое важное. Без него – никуда. Название ему – «индивидуальный тренер». Только так и никак иначе!

– Чего там у тебя на этих лыжах не получается? Не выдумывай. Возьми тренера! – советовала мне подруга Оксана.

– Мы брали, а толку!

– Кто это «мы»? На семью, что ли? Ты себе должна тренера взять, на себя одну. Поняла? И сразу поедешь. И сразу все получится!

– А разница-то в чем? И дорого как!

– Темнота ты! Вот возьмешь и сразу поймешь, в чем разница. А деньги, по-моему, ты на себя зарабатываешь.

Оксана оказалась права. Разница огромная. Тренер это вам не собственный муж, словарный запас которого при виде жены на горе сводился к следующему: «Ну что ты так раскорячилась?! Присядь, что ли... До чего же ты неповоротливая! Смотри, как я делаю. Это же элементарно! Смотри, смотри... Раз, раз!»

– Уйди с дороги, зашибу!

Муж лавировал на лыжах прямо перед моим носом. Приходилось падать, чтобы действительно не зашибить.

– А может, вам лучше мужа поменять? – советовал доктор, осматривая меня после очередной горнолыжной травмы.

– Не, мужей я уже меняла. Мне этот муж нравится.

– Ну тогда приспособливайтесь.

Индивидуальный тренер действительно спас положение. Здоровый молодой парень сначала помог мне надеть лыжи, потом чуть не под руки довел до подъемника, всю дорогу

не переставая восхищаться тем, как у меня все ловко получается и какая я способная. А уж какая красивая! А уж как схватываю ну прямо на лету! Хотя это не так важно. Важно то, что мы в горах и окружают нас необыкновенные красоты. И не нужно никуда торопиться. Лучше лишний раз остановиться, оглянуться и восхититься тем, чего другие, может, никогда и не увидят – просто возможности у них такой нет. А теперь поехали, но никуда не торопимся. Этих ненормальных лучше пропустим, пусть себе несутся. А мы – не спеша, красоты рассматривая и технику отрабатывая.

Если я хочу попробовать сногшибательный национальный напиток, нужно подняться на другую трассу, чуть выше. Да нет же, нет, бояться нечего! Да, трасса красная, но пологая, и покатаемся мы медленно, след в след. Страшно? Но выпить-то я хочу? Тогда поехали! И отдых там будет целых полчаса, и музыка потрясающая, не в пример той, что здесь.

И я еду, и я верю своему тренеру. Верю, что я молодая и красивая, что вот этот вираж получился у меня особенно эстетично. И что уже даже завтра мне будет не стыдно прокатиться с собственным мужем. Он увидит, как я преуспела в этом нелегком деле, и будет гордиться мной, и станет ему наконец известно, что немереные деньги на молодых и красивых тренеров тратились не зря.

Муж, правда, ничего не оценил:

– А чему он тебя учил-то? И почему ты едешь так медленно?

– Зато я технична.

– Ты? Кто это тебе сказал?

Но я не расстраиваюсь. Я уже в себя поверила, и с пути меня не собьешь.

Тренер, тренер и только тренер! Правда, каждый год все приходится начинать чуть-чуть заново. В этом году с Михаэлем. Он не очень много рассказывает про природу и погоду. Он учит меня кататься. Видимо, чувствует мой потенциал: все-таки я третий год на горе. Пора наконец не только демонстрировать наряды. Пора прекратить панически бояться и получать удовольствие от езды.

И вот свершилось. Я еду! Мне нравятся скорость и свист ветра, и то, что я могу затормозить, когда захочу, и легко обогнуть новичка. Я замечаю теток в самых красивых комбинезонах. Они еще совсем не умеют кататься. У них все впереди.

– Bravo, Лилиана! Ты сделала это. Погляди назад. Это же черная трасса! Та самая – «Камикадзе»! Ну да, ты проехала ее не всю. Зато ты все сделала правильно! Я горжусь тобой, Лилиана!

На всякий случай не оборачиваюсь. А то еще голова закружится от ужаса. Верю Михаэлю на слово.

Я счастлива: «Bravo, Лилиана, я тоже горжусь собой. Я себя преодолела. И я никому не расскажу про то, что случилось. Я это сделала для себя».

Смотрю на величественные вершины, на ослепительный

снег и чувствую себя частичкой этого мира. Мира гор
на уровне облаков.

Зарифмованные встречи

Даже не знаю, как тебе объяснить, что это такое?!

Ну представь себе море, а посередине стоит дворец весь в огнях. Это снаружи, а внутри все как в сказках «Тысячи и одной ночи» или в фантастических фильмах.

Нет, не то, не дворец, а целый город. Или даже так: маленький такой мирок с разными крошечными странами или, точнее, уголками этих стран. И в каждом таком уголке свои национальные рестораны, свои концерты, свои традиции. Правят там всем местные жители, которые вас принимают от всей души, со всем местным колоритом, в национальных костюмах. И все эти уютные уголки связаны между собой общими залами для проведения совместных торжеств. Это если все люди, изо всех уголков, вдруг решат вместе что-нибудь выпить или съесть. К культуре какой конкретной страны могут относиться эти роскошные залы, сказать трудно, но там очень красиво. А главное, можно найти на этой крошечной чудо-планете все, что тебе может понадобиться и не понадобиться для жизни на этом островке счастья во время твоего там пребывания: и футбольное поле, и библиотеку, и концертные залы, и ночной клуб, и даже церковь для венчания.

И вот это все еще и плывет.

Ну, понятно я объяснила? Или остались сомнения? У ме-

ня сомнений не осталось. Теперь я точно знаю, что значит отдыхать в раю. Это значит – нужно просто поехать в круиз. И этот чудо-остров – всего лишь восемнадцатипалубный лайнер, который бороздит просторы морей и океанов. Он бороздит, а ты чувствуешь себя королевой, потому что все – на это время и на этом лайнере – принадлежит только тебе. Исполняется любое твое желание. Ты находишься в полной красоте и при этом сама ничуть не уступаешь, точно такая же красавица!

Быть красавицей и соответствовать данной роскоши непросто. Поэтому еще до отплытия дают список вещей, которые нужно взять с собой. Вещи делятся на три раздела:

Одежда повседневная.

В нем подробно написано, сколько ты должна взять юбок, сколько кофт, а сколько брюк. (Про нижнее белье, что характерно, нет ни в одном списке, наверное, можно без него.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.